

Крепко, но не намертво

ПОВЕСТЬ

Николай Силов

Крепко-но-не-намертво

«Автор»
2026

Силов Н. И.

Крепко-но-не-намертво / Н. И. Силов — «Автор», 2026

В четверг на холодильнике, там, где лежат квитанции за свет, появляется повестка. В понедельник автомеханик Лёша уезжает, успев за ночь починить в доме всё, что откладывал годами. Остаются жена Вера, девятилетний сын и кран на временной прокладке.Дальше — год, рассказанный с двух сторон. С её стороны — серые галочки в телефоне, подвал библиотеки, где женщины плетут маскировочные сети, сорок секунд голосового сообщения и соседка с четвёртого этажа. С его — окоп под дождём, рыжая собака, которая слышит раньше людей, друг, которого не удалось вытащить, и ночь, когда машину с ранеными нужно завести вслепую до рассвета.Они почти ничего не рассказывают друг другу. Он пишет: «Розетку не включайте». Она отвечает про картошку. И всё-таки каждый держит другого — крепко, но не намертво.Это книга о том, что возвращение — не конец истории, а её самая трудная часть.Все герои и события вымышлены.

© Силов Н. И., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Крепко, но не намертво 5
Глава 1. Список 6
Глава 2. Автобус 8
Глава 3. Одна галочка 10
Глава 4. Чужие носки 12
Глава 5. Сети 14
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Николай Силов
Крепко-но-не-намертво

Крепко, но не намертво

Повесть. Художественное произведение: все герои, город и события вымышлены.

Глава 1. Список

Повестку принесли в четверг, когда Вера была на смене. Лёша открыл сам, расписался, положил бумагу на холодильник — туда, где лежали квитанции за свет, — и доел суп. Об этом она узнала вечером, по порядку: сначала увидела, что суп доеден, потом — что на холодильнике лежит не квитанция.

— Когда? — спросила она.

— В понедельник к восьми. С вещами.

Он сказал это так, как говорил клиентам про машину: колодки менять, диски ещё походят. Вера кивнула, как кивали клиенты, и пошла мыть кастрюлю, хотя кастрюля была чистая.

Димка сидел в комнате над математикой и всё слышал. Он вышел, постоял в дверях и спросил:

— Пап, а телефон тебе с собой можно?

— Можно, наверное.

— Тогда ладно, — сказал Димка и ушёл обратно.

Ночью Вере в телефон прислали список. Его пересылали друг другу жёны — от кого он пошёл, никто уже не знал. Сорок два пункта, некоторые с восклицательными знаками. Термобельё, две пары. Коврик туристический. Носки шерстяные, чем больше, тем лучше. Жгут. Напротив жгута кто-то дописал: «не аптечный!!!» — и Вера долго смотрела на эти три восклицательных знака, пытаясь понять, какой же тогда.

В пятницу она отпросилась с обеда и поехала в «Охотник и рыболов» на Заводской. Раньше она была там один раз, когда покупала Лёше на день рождения складной стул. Тогда в магазине стоял один дед и выбирал блесну. Теперь очередь начиналась на крыльце. Стояли почти одни женщины, и у всех в руках светились телефоны с одним и тем же списком.

Никто не плакал. Обсуждали размеры.

— Берцы сорок третьи кончились во вторник, — сказал продавец, не дожидаясь вопроса. Он был молодой, с серым лицом человека, который неделю говорит одно и то же. — Сорок пятые есть. Сорок первые есть.

— А когда привезут?

— Не знаю.

Вера взяла коврик, термобельё и шесть пар носков. Женщина, стоявшая за ней, полная, в расстёгнутом пуховике не по погоде, тронула её за рукав.

— Сорок третий? На рынке спроси, у Рашида, второй ряд от входа. Утром были. Скажи, что от Тамары, а то он придерживает.

— Спасибо.

— Да чего там, — сказала женщина и повернулась к продавцу: — Мне сорок пятые.

Берцы у Рашида нашлись. Он достал их из-под прилавка, назвал цену и, пока Вера считала деньги, смотрел в сторону.

Дома Лёша разложил купленное на диване и проверял по списку, ставя пальцем невидимые галочки. Потом сказал, что жгут такой не годится, и Вера чуть не заплакала — не из-за жгута, а потому что с ним ездила дальше всего, на другой конец города. Лёша заметил и сказал:

— Да нормальный. Возьму оба.

В субботу приезжала его мать, привезла пирог с капустой и иконку в целлофане. Сидела на кухне, сложив руки на коленях, и рассказывала про давление. Про понедельник не говорили. Пирог Лёша похвалил два раза.

В ночь на воскресенье Вера проснулась от стука. На кухне горел свет, но там никого не было. Лёша нашёлся в ванной: он сидел на корточках под раковиной, рядом на полу лежали разводной ключ и фонарик.

— Ты чего?

— Кран.

Кран капал год. Вера просила, потом перестала просить и подставила под него пластиковую мыльницу, чтобы не стучало. Лёша всё собирался: то не было прокладки, то времени, то он приходил из сервиса с такими руками, что к домашним гайкам прикасаться не хотелось.

— В час ночи?

— А когда.

Она постояла в дверях. Потом принесла табуретку, села и стала светить ему фонариком. Он не сказал спасибо, только подвинул её руку чуть левее.

Кроме крана, как она потом поняла, он успел подтянуть дверцу шкафа в прихожей, смазать замок и подклеить Димке подошву на кроссовке. Розетку в комнате, которая искрила, обмотал изолентой и написал на ней ручкой: «не вкл.». Он чинил дом вперёд, про запас, как носки — чем больше, тем лучше.

В понедельник у военкомата стояли два автобуса и было очень много народу. Димку в школу не повели. Он держал отца за карман куртки — не за руку, а именно за карман, — и молчал. Вера всё время поправляла Лёше лямку рюкзака, хотя лямка была в порядке.

Говорить оказалось не о чем. Всё важное уже было в рюкзаке, сорок два пункта.

Когда назвали его фамилию, Лёша обнял Димку, потом её. Уже от автобуса обернулся и крикнул через головы:

— Вер! Кран не трогай. Я прокладку временную поставил. Приеду — переделаю.

Она кивнула. Автобус закрыл двери.

Дома было тихо. Димка ушёл в комнату и включил мультики, которые не смотрел уже года два. Вера сняла сапоги, прошла в ванную и села на край ванны.

Мыльница под краном была сухая.

Она сидела и слушала, как не капает.

Глава 2. Автобус

В автобусе Гена Соколов сел рядом, у окна. Не потому, что они дружили, — просто из всего двора, из всего автобуса это было единственное лицо, которое Лёша знал дольше трёх часов.

Первые двадцать километров молчали. Потом Гена сказал:

— На нейтралке катит.

— Кто?

— Водила. С горки — на нейтралке. Солярку бережёт. — Он поморщился, как от зубной боли. — Я двадцать два года за рулём, ни разу себе не позволил. Колодки спалит и людей положит.

Лёша прислушался. Двигатель на спусках и правда молчал.

— У него ещё и сцепление ведёт, — сказал он. — Слышишь, как вторую втыкает?

— Слышу.

Так у них нашёлся язык. До самого учебного центра они разбирали чужой автобус по узлам, вполголоса, с удовольствием, как другие обсуждают футбол. Это было лучше, чем смотреть в окно.

В учебном центре их продержали месяц. Жили в казарме на сто двадцать человек, где ночью кашляли так, что казалось — работает один большой неисправный мотор. Учили тому, чему положено. Лёше было тридцать восемь, и он обнаружил, что бегает хуже двадцатилетних, но дольше, а спит на голых досках не хуже, чем дома: в сервисе он иногда так и засыпал, на топчане за шиномонтажкой.

За казармой третий день стоял «Урал» с поднятой кабиной. Вокруг него ходили двое и по очереди заглядывали внутрь с тем выражением, какое Лёша хорошо знал по клиентам: смотрят туда, где красиво, а не туда, где сломано.

Он постоял, послушал, как крутит стартер. Потом попросил ключ на двенадцать и кусок проволоки.

Через сорок минут «Урал» завёлся.

После этого по имени его звать перестали. Он стал Механик, и к нему понесли всё: генератор, бензопилу, заевший замок на ящике, чьи-то наручные часы. Часы он тоже починил — там отошёл контакт у батарейки.

Гену прозвали Маршрут. Каждый раз, когда грузовик останавливался, он говорил из кузова поставленным голосом: «Конечная. Не забываем вещи в салоне. Передние двери не работают». Когда трогались — «Осторожно, двери закрываются». Шутка была одна и та же, и смеялись над ней тоже одинаково, и в этом, кажется, был весь смысл.

Громче всех смеялся Марат. Он был из-под Уфы, крановщик, под два метра, с руками, как лопаты, и смеялся басом, откуда-то из живота, всем корпусом. К вечеру первого дня этот смех уже узнавали с другого конца плаца.

— Ты чего ржёшь, он это пятый раз говорит, — сказал ему кто-то.

— Так он же каждый раз серьёзно, — ответил Марат.

По вечерам Лёша ходил за столовую, где ловило лучше, и звонил Вере. Стоял у стены, слушал гудки и каждый раз заранее знал, что говорить будет не о чем.

Не потому, что ничего не происходило. Происходило столько, сколько за десять лет в сервисе не набралось бы. Но всё, что было здесь, в дом не помещалось — как не помещается в квартиру двигатель: его можно внести только по частям, и всё равно будет пахнуть.

Поэтому он спрашивал про математику. Про то, дошла ли посылка. Про розетку. Он трогал дом этими вопросами, как трогают пальцем затянутый болт — на месте ли. На месте. Четвёрка. Не искрит.

— Ты как там? — спрашивала Вера.

— Нормально. Кормят.

Он слышал, что ей мало. Ему и самому было мало. Но стоило представить, что он говорит что-нибудь другое, — и сразу делалось ясно, что другое говорят, когда прощаются. А он не прощался. У него там кран на временной прокладке.

В последний вечер объявили: с утра убываем, телефоны выключить.

Он сел на койку и стал набирать. Набрал длинно. Про то, что она не умеет парковаться задом и чтобы не пробовала у третьего подъезда. Что деньги на ремонт лежат в коробке от дрели, а не в шкафу. Что Димке надо купить ботинки на размер больше, потому что нога растёт, а она вечно берёт впритык. Что он…

Стёр всё.

Написал: «Переезжаем. Связи может не быть. Не дёргайся».

На соседней койке Гена тыкал в экран толстым пальцем, шевеля губами.

— Моя теперь спать не будет, — сказал он, не поднимая головы.

— А ты что написал?

— Что всё нормально. И чтоб за квартиру заплатила до двадцатого, а то пеня. — Он помолчал. — А ты?

— То же самое. Только без квартиры.

Гена кивнул, как кивают, когда совпал диагноз.

Грузились ночью. Машины шли без фар, с интервалом, и в кузове было так темно, что Лёша не видел собственных колен. Трясло. Кто-то курил в кулак. Мотор тянул ровно — он сам его смотрел позавчера.

Когда колонна встала в первый раз, все ждали.

— Следующая остановка… — начал Гена обычным своим голосом.

И не договорил.

Марат не засмеялся. Никто не засмеялся. Грузовик постоял и тронулся дальше.

Глава 3. Одна галочка

Первый месяц он звонил по вечерам. Их держали в учебном центре в соседней области, кормили, по его словам, нормально, и разговоры были короткие и хозяйственные: дошла ли посылка, как у Димки с математикой, не искрит ли розетка. Вера отвечала, что дошла, что четвёрка, что розетку не трогают.

Потом он написал: «Переезжаем. Связи может не быть. Не дёргайся».

Она ответила: «Хорошо». Под её «хорошо» встала одна серая галочка и так и осталась.

Раньше Вера не знала, что галочки бывают разные. Теперь она в них разбиралась, как в анализах. Одна серая — сообщение ушло, но телефон на той стороне выключен, разряжен, лежит в рюкзаке или там просто нет сети. Две серые — дошло, телефон живой. Две синие — прочитал. Всё остальное было толкованием, и толковать она себе запретила.

Она работала в поликлинике, в процедурном. С восьми до двух шла кровь из вены, потом уколы по назначению. Телефон полагалось оставлять в шкафчике, и одиннадцать лет Вера так и делала. Теперь он лежал в кармане халата, под пачкой спиртовых салфеток, и она научилась смотреть на экран в те три секунды, пока пациент закатывает рукав.

— У вас рука лёгкая, — говорили ей бабушки.

— Работайте кулачком, — отвечала Вера.

Одна галочка.

Она писала ему каждый вечер. Сначала ей казалось глупым писать в пустоту, потом — что глупо не писать: он включит телефон, а там ничего, как будто дома без него ничего не происходило. Поэтому она писала всё подряд. «Димка получил четыре за контрольную, говорит, пятёрок не было ни у кого». «Купила мешок картошки у мужика с машины, вроде хорошая». «Твоя мама звонила, давление сто шестьдесят, я сказала пить таблетки, а не корвалол». «Во дворе спилили тополь, который над твоим местом. Теперь можно ставить, на капот не нападает».

Сообщения стояли столбиком, у каждого по одной галочке. Получалось похоже на ведомость.

Был ещё чат жён. В нём состояло двести с лишним человек, и он не замолкал ни днём, ни ночью. Там знали всё: куда повезли, где стоят, кому звонили, что сказал чей-то муж чьей-то сестре. К вечеру выяснялось, что утреннее было неправдой, и появлялась новая правда. Вера читала чат неделю и перестала спать. Тогда она отключила в нём звук, а ещё через неделю научилась открывать его раз в день, после ужина, как меряют температуру.

Тамара — та, из очереди, — нашла её там сама и написала отдельно: «Ты чат не читай на ночь. Я вот читала и чуть не слегла. Приходи лучше к нам в библиотеку, по вторникам и четвергам». Вера ответила, что подумает.

На двадцать третий день, в седьмом часу вечера, она жарила Димке сырники. Телефон лежал на подоконнике экраном вверх. Она глянула на него, переворачивая сырник, как глядела раз сорок в день, и не сразу поняла, что изменилось.

Галочек стало по две. Сразу у всех двадцати трёх сообщений.

Серые. Он не прочитал, просто телефон где-то там поймал сеть и принял всё разом: и картошку, и тополь, и давление сто шестьдесят.

Сырник сгорел. Вера выключила плиту, села на табуретку и смотрела на экран, пока он не погас. Потом включила снова. Две.

— Мам, горит же, — сказал Димка из комнаты.

— Уже не горит.

Ответа не было ни в тот вечер, ни ночью, но она впервые за три недели заснула сразу. В четвёртом часу телефон дрогнул под подушкой.

«Норм. Жив. Носки дошли?»

Она набрала: «Дошли? Это я тебя спрашиваю, дошли ли», — стёрла и написала: «Какие носки, я не посылала».

«Значит, чужие ношу. Хорошие. Спи».

Вера положила телефон на грудь, экраном вниз, и лежала так до будильника.

Глава 4. Чужие носки

Первое, что Лёша узнал про обстрел: тело умнее головы.

Голова ещё соображала, что это за звук и откуда, — а он уже лежал на дне окопа, лицом в глину, с открытым ртом. Кто научил открывать рот, он не помнил. Земля толкнула его снизу в грудь, как толкает машина, сорвавшаяся с домкрата. За шиворот посыпалось.

Потом ещё раз. И ещё. Он считал — не нарочно, руки привыкли считать обороты. На одиннадцатом сбился.

Когда стихло, оказалось, что он не может закрутить крышку на фляге. Пальцы, которыми он на ощупь, вслепую наживлял гайки там, куда не пролезала рука, — эти пальцы не попадали крышкой в резьбу. Он смотрел на них с интересом, как на чужую поломку.

— Дай сюда, — сказал Гена и закрутил. У него самого тряслись, но меньше.

— Все целы? — спросил Марат откуда-то слева. Голос был обычный, басовитый, только выше на полтона.

Все были целы. В тот раз.

Дальше пошли дни, одинаковые, как болты из одной коробки. Копали. Глина была жирная, тяжёлая, липла к лопате, и к вечеру Лёша не чувствовал плеч. Стоял октябрь, лило не переставая. Вода собиралась на дне, её вычерпывали котелком. Ноги не просыхали совсем.

Носки, которые Вера уложила шесть пар, кончились на второй неделе. Не порвались — сгнили. Он стаскивал их вечером вместе с кожей, как изоленту со старого провода.

Про дом он думал мало. Не потому, что забыл, — а потому, что думать о доме тут было как держать голую руку на горячем коллекторе: можно, но недолго. Он думал короткими кусками. Мыльница под краном. Димкин кроссовок. Изолента на розетке. Дальше не пускал.

На третьей неделе привезли мешок от волонтёров. Раздавали прямо из кузова, не глядя, кому что: банку тушёнки, пачку влажных салфеток, вязаные носки. Лёше достались серые, толстые, с красной полоской по резинке, явно ручной работы, чуть разного размера.

Он надел их сразу, там же, сидя на ящике. Это было как залить в сухой мотор масло.

В правом что-то мешало. Он полез пальцами и вытащил бумажку, сложенную вчетверо, в клеточку, из тетради. Крупные буквы, синяя ручка, старательный наклон.

«Дядя солдат! Пусть тебе будет тепло. Эти носки связала моя бабушка, а я мотал клубок. Возвращайся домой. Ваня, 2 „А“ класс».

Ниже был нарисован танк, похожий на утюг, и над ним солнце.

Лёша прочёл два раза. Потом аккуратно сложил записку по тем же сгибам и убрал в нагрудный карман, к документам, где лежала Димкина фотография.

— Чего там? — спросил Гена.

— Инструкция по эксплуатации.

— И чего пишут?

— Пишут — возвращаться.

Гена подумал.

— Толковая инструкция, — сказал он. — Короткая.

Телефон лежал на дне рюкзака, выключенный, в двух пакетах. Сети здесь не было никакой. Лёша включал его раз в несколько дней, на минуту, под плащ-палаткой, — посмотреть на время и на фотографию на заставке — и выключал, чтобы не сажать.

На двадцать третий день их троих послали в село за водой. Села, собственно, не было: улица, несколько стен, колодец с целым воротом. Набрали шесть канистр, потащили обратно. Телефон он включить забыл — вернее, он был включён с ночи и лежал в кармане, а Лёша про него не помнил.

Ночью, в свою смену, он полез за ним — посмотреть время.

Экран был полон.

Двадцать три сообщения. Где-то там, у колодца, телефон поймал одну палку сети и, пока Лёша крутил ворот, молча принял всё, что накопилось.

Он накрылся плащ-палаткой с головой, чтобы не светить, и стал читать с начала.

«Димка получил четыре за контрольную, говорит, пятёрок не было ни у кого».

«Купила мешок картошки у мужика с машины, вроде хорошая».

«Твоя мама звонила, давление сто шестьдесят, я сказала пить таблетки, а не корвалол».

«Во дворе спилили тополь, который над твоим местом. Теперь можно ставить, на капот не нападает».

Он читал медленно, по одному, как едят, когда долго не ели и боятся, что станет плохо. Тополь. Он шесть лет ругался на этот тополь. Каждую весну отскребал с капота липкие почки. Спилили. Он лежал в мокрой глине, под брезентом, и чувствовал, как у него щиплет в носу из-за тополя.

Картошка. Давление. Четвёрка. Она писала так, будто он вышел в гараж и сейчас вернётся. Каждый день. Двадцать три раза подряд, в никуда.

Под плащ-палаткой было душно, от дыхания запотел экран. Он протёр его большим пальцем.

Что ответить, он не знал. Всё настоящее было либо слишком большое, либо нельзя. В окопе рядом спал сидя Марат, свесив голову. Тихо было так, что слышалось, как капает с бруствера.

Он пошевелил пальцами ног. Тепло.

Набрал: «Норм. Жив. Носки дошли?»

Одна палка сети мигнула — и хватило. Ушло.

Ответ пришёл почти сразу, и он понял, что она не спала: «Какие носки, я не посылала».

Он улыбнулся в темноте под брезентом. Первый раз за двадцать три дня.

«Значит, чужие ношу. Хорошие. Спи».

Выключил телефон. Убрал в два пакета. Потрогал нагрудный карман, где лежала бумажка с танком-утюгом.

Ваня, второй «А». Бабушка вязала, он мотал клубок.

Утром он попросил у Гены ручку и на обороте записки, мелко, написал: «Ване. Носки подошли. Тепло. Вернусь». Отправить это было некуда. Он просто хотел, чтобы было написано.

Глава 5. Сети

Библиотека имени Гайдара стояла через два двора. Вход в подвал был сбоку, под козырьком, где раньше принимали макулатуру. Вера пришла во вторник после смены — сказала себе, что на полчаса.

Внизу было тепло и пахло мокрой тканью. Вдоль стен стояли деревянные рамы в человеческий рост, на них была натянута рыболовная сеть с крупной ячеёй. На столах лежали горы тряпичных лент — бурых, серых, болотных, жёлто-коричневых. Человек десять женщин стояли у рам и что-то делали руками, не глядя, как лущат горох.

— Пришла, — сказала Тамара, не оборачиваясь. — Сумку вон туда. Руки покажи. Ногти короткие — это хорошо. Вставай со мной.

Объясняла она быстро. Ленту берёшь вот так, продеваешь, петля, затянула, концы оставила. Следующую — другого цвета, рядом, но не в линию. В линию нельзя: в природе линий нет. Пятна тоже нельзя одинаковые. Сейчас плетут «осень», бурого больше, зелёного чуть. К ноябрю перейдут на «грязь», потом на белое.

— А кто решает, сколько какого?

— Оттуда пишут. Фотографию присылают, что вокруг, — Зоя Ивановна глядит и раскладывает. Она сорок лет в ателье закройщицей.

Зоя Ивановна, маленькая, в двух кофтах, сидела у стола и резала старые простыни на ленты портновскими ножницами. Простыни красили тут же, в баке, на плитке. Ножницы шли ровно, как по линейке.

Первые полчаса у Веры получалось плохо. Узлы выходили то слабые, то перекрученные, лента путалась. Тамара дважды молча распустила за ней и перевязала. Потом руки что-то поняли сами — они у Веры вообще соображали быстрее головы, — и дело пошло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.